

ИСТ-ЛИНН

ГЛАВА 1

Изабелла Уэйн

Графу Маунт-Северну не исполнилось и пятидесяти, но он давно страдал подагрой, рано поседел, лицо его избородили глубокие морщины, и выглядел он лет на семьдесят. Никаких успехов в жизни он не добился: ни на военном поприще, ни на государственной службе, зато слыл азартным игроком и кутилой. До двадцати пяти лет, надо отдать ему должное, юноша старался и с утра до вечера грыз гранит юридической науки. В то время он был честолюбив и полагал, что обязан трудиться, ибо происходил из знатной — приходился родственником графу Маунт-Северну, — но обедневшей семьи. Титул ему не светил — у графа было двое сыновей, но оба рано умерли, и однажды студент Уильям Уэйн проснулся графом Маунт-Северном, унаследовал доход в размере шестидесяти тысяч фунтов в год и сделался заметной фигурой в свете, потому что помимо богатства обладал привлекательной внешностью и хорошими манерами. Вскоре молодой человек полюбил праздность, пристрастился ко всем радостям жизни, вошел во вкус и за четверть века промотал значительную часть состояния, наделав кучу долгов. Экономить он не привык и не собирался, в результате чего поместье находилось на грани разорения. В свое время Уэйн женился, и супруга родила ему дочь, которую называли Изабеллой, однако через двенадцать лет после рождения девочки графиня скончалась. Сыновей мужу она, увы, не подарила.

— Милорд, — вошел в гостиную лакей. — К вам посетитель.

— Кредитор? — встревожился граф. — Скажи, что я болен и не принимаю.

— Не кредитор, а мистер Карлайл из Вест-Линна.

В дверях стоял высокий мужчина лет двадцати семи, темноволосяй, симпатичный, с правильными чертами лица и выразительными темно-серыми глазами. Он представился адвокатом: пошел по стопам отца и получил образование и ученую степень в Оксфорде.

— Присаживайтесь, мистер Карлайл, — натянуто улыбнулся граф. — Простите, не могу встать с кресла, замучила подагра. Весьма польщен вашим визитом. У вас ко мне дело? — обеспокоенно добавил граф.

— Да, я слышал, вы продаете Ист-Линн.

— Откуда у вас такие сведения? — опасно спросил Маунт-Северн, думая, что Карлайл — официальный представитель кого-то из кредиторов.

— Милорд, — усмехнулся гость. — Я не мошенник, и вы можете вполне доверять мне.

— Не обижайтесь, мистер Карлайл. Я сделался подозрительным не от хорошей жизни: всякие прохвосты не дают мне проходу. Им бы только пожить на чужой счет.

— Не стану надолго отвлекать вас, граф, и буду лаконичен. Я общался с вашим агентом и готов купить Ист-Линн. Мне нравится это поместье.

— Вот как? — вскинул брови граф. — Я не знал, что адвокаты в наше время так богаты, ведь Ист-Линн недешев.

— Понимаю, но я небеден: я унаследовал состояние отца и дяди плюс к тому имею собственную фирму и юридическую практику. Назовите цену.

Лорд Маунт-Северн на пару мгновений задумался, после чего спросил:

— Мистер Карлайл, почему вас заинтересовало именно мое поместье? Продаются и другие в нашем графстве, насколько я осведомлен.

— Восемнадцать лет назад, когда вы купили Ист-Линн, мой отец был поверенным продавца, и для меня этот факт многое значит.

— Ясно, — кивнул граф, — но у меня есть принципиальное условие. Я продаю Ист-Линн тайно. Если об этом узнают мои кредиторы, они налетят сюда, как воронье, и аннулируют сделку. Все надо уладить конфиденциально. Цена высокая: я хочу семьдесят тысяч фунтов, а за подробностями обратиться к моим поверенным Уорбортону и Уэйру.

— Это баснословно дорого, милорд, — покачал головой адвокат, — поместье не стоит и шестидесяти, особенно учитывая, что оно заложено и у вашей светлости проблемы с наличностью. К тому же мне не совсем ясен юридический статус имения: вы, наверное, завещали его дочери?

— Нет, не завещал. Мою дочь обеспечит будущий муж. Ее мать без отцовского благословения сбежала из дома и тайно обвенчалась со мной, чем навлекла на меня гнев генерала Кенуэя, и он не дал за дочь ни пенса приданого. Девушка отличалась красотой, но оказалась слабого здоровья и, когда родила Изабеллу, заболела чахоткой, долго чахла: как ни лечили, не спасли. Вот что значит послушаться родителя — вся наша с ней жизнь стала сплошным несчастьем. Что касается дочери, Белла, хоть и бесприданница, не пропадет. Жених повернется, и достойный, вот увидите. Моя дочь — красавица, истинная англичанка, знатная, породистая и к тому же на редкость добродетельная. Какое воспитание, какие манеры! На гувернанток и учителей я не скупился. Знает несколько языков, музыкантша, а как поет! У нее ангельский голос!

— Она и ребенком была очаровательным, — улыбнулся адвокат. — Я помню вашу девочку.

— Вот-вот. Что ж, если вы согласны на мои условия, я продам вам поместье. Деньги передадите мне, и никому ни звука. Для всего остального мира я, лорд Маунт-Северн, по-прежнему остаюсь владельцем Ист-Линна. Вам придется немного потерпеть. Не возражаете?

— Нет. На этой неделе я встречу с Уорбортоном и Уэйром, обсудим детали. Всего хорошего, милорд.

— Не пообедаете со мной? Сочту за честь и познакомлю с дочерью. У нас также гостит родственница, миссис Уэйн, но она уехала к миссис Ливайсон, своей бабушке. Джон! —

вызвал лорд Маунт-Северн лакея. — Подай обед в гостиную. Мистер Карлайл присоединится к нам.

Спустя минуту противоположная дверь отворилась, и адвокат увидел стройную грациозную девушку с длинными локонами, в белом кружевном платье и жемчужном ожерелье. Дочь графа и вправду была обворожительна — такую красавицу мечтает изобразить каждый живописец.

— Моя дочь, леди Изабелла, — устало представил граф. — Присаживайся, дорогая, напротив мистера Карлайла.

Надо признать, что последний на некоторое время утратил дар речи: так его поразило совершенство черт лица девушки и выражение ее грустных темных глаз. «Она восхитительна, — подумал молодой человек. — Но почему так печальна?»

— Ты куда-то собралась, Изабелла? — строго спросил отец.

— Да, папа, я не смогу с вами пообедать, так как еду к миссис Ливайсон. Миссис Уэйн ждет меня там, а потом мы приглашены на бал к герцогине Дартфорд.

— Возвращайся пораньше, — проворчал граф, пока горничная, сообщившая, что экипаж подан, укутывала девушку в белую кашемировую шаль. — Незачем танцевать до утра. Бессонные ночи портят цвет лица.

— Хорошо, — кротко опустила глаза Изабелла.

— Разрешите, ваша светлость, я провожу леди Изабеллу до кареты, — вскочил со стула Карлайл.

— Извольте, — просиял граф, а когда экипаж скрылся за поворотом, спросил: — Ну что, разве моя Белла не мила?

— Она бесподобна, — прошептал адвокат. — Я никогда не видел такой божественной красоты...

— А душа у моей дочери еще прекраснее, чем лицо и фигура. Я воспитывал Беллу в строгости, она добрая, деликатная и абсолютно не избалованная. Ее будущий супруг мне спасибо скажет.

Изабелла ехала к родственнице Уэйнов — ворчливой старухе лет семидесяти, которая при виде девушки ничуть не обрадовалась, а заявила:

— Ты опоздала на двадцать пять минут, мы с Эммой ждали и даже чай еще не пили.

— Да уж, милочка, впредь будь пунктуальнее, — фыркнула миссис Уэйн, расфуфыренная леди лет двадцати шести с бесцветным лицом, тщеславная и надменная супруга Рэймонда Уэйна, наследника графского титула Маунт-Северн.

Изабелла сбросила шаль и села за стол.

— Может, помочь заварить и разлить чай? — спросила она.

— Не нужно, — поджала губы миссис Ливайсон. — Это обязанность горничной. Генриетта! — позвонила она в колокольчик. — Сроду не дозовешься эту лентяйку!

— Давайте я сама приготовлю чай, миссис Ливайсон, — вновь предложила Изабелла. — Я всегда делаю это для папы.

Девушка сняла перчатки и захлопотала возле чайника, когда в гостиную вошел элегантный молодой человек привлекательной наружности: высокий, хорошо сложенный, со спортивной фигурой, густыми волосами цвета воронова крыла и выразительными карими глазами. Это был Фрэнсис, капитан Ливайсон, внук пожилой леди и кузен миссис Уэйн. В свете его знали как хвастуна, бездельника и неисправимого мота, но предпочитали не ссориться с ним, потому что он был внушительным племянником и наследником сэра Питера Ливайсона, человека богатого и со связями в правительственных кругах.

— Леди Изабелла? В нашем доме? Какая честь для нас! — воскликнул капитан, бросая на девушку восхищенный взгляд и с нежной почтительностью целуя ее руку.

— Да, представь себе, Фрэнсис! — ответила миссис Ливайсон. — Красавица, каких поискать. Кому-то ведь достанется такое сокровище! Скромна, прелестна. Ах, какое чудо! — восхитилась старушка, указывая на золотой, осыпанный изумрудами крестик на груди Изабеллы. — Это наследство твоей матушки? Можно посмотреть поближе?

— Конечно, — прошептала Изабелла, расстегивая тонкую золотую цепочку.

— С жемчужным ожерельем золотой крестик не сочетается, — ядовито проворчала миссис Уэйн. — Зря ты носишь их вместе, это безвкусица.

— Мне дороги и ожерелье, и крестик, — смущенно объяснила девушка. — Они принадлежали моей покойной матери. К тому же я редко надеваю украшения. Эти изумруды так сверкают, что я, наверное, выгляжу вычурной.

— Будет тебе, жеманница, — усмехнулась миссис Уэйн. — С каких это пор женщины вдруг стали стесняться драгоценностей?

— Крестик изысканный, — похвалила пожилая леди, рассматривая вещицу на ладони. — Тебе он идет, Изабелла, а на брюзжание Эммы не обращай внимания.

— Позвольте и мне взглянуть, — протянул руку Фрэнсис, взял крестик из руки бабушки, но не удержал изящное изделие в пальцах и уронил его на пол. — Простите, леди, я сейчас подниму, — полез он под стол, пошарил вокруг и с досадой воскликнул: — Какая жалость!

— Что стряслось? — сердито спросила миссис Ливайсон. — Отдай крестик Изабелле.

— Он сломался, — стусевался молодой человек, показывая девушке две половинки. — Я не понимаю, как это произошло, может, я нечаянно надавил на него коленом? Простите меня ради бога.

Увидев сломанный крестик, Изабелла не смогла сдержать слез:

— Как вы неосторожны, мистер Ливайсон!

— Ну не расстраивайся, дорогая, — погладила ее по руке старушка, — крестик можно починить. Смотри, цепочка цела, а половинки запаяет ювелир, и будет твое украшение как новенькое!

— А что, у тебя нет других драгоценностей? — язвительно поинтересовалась миссис Уэйн. — Ты — дочь лорда Маунт-Северна.

— Эмма, Изабелла ведь объяснила: крестик дорог ей как память о матери, а ты, Фрэнсис, — упрекнула она внука, — неловкий остопоп, который довел бедную девушку до слез.

— Мне жаль, что так вышло. Я не хотел обидеть леди Изабеллу, — обернулся он к юной красавице. — Как мне загладить свою вину?

— Проводите меня к экипажу, — попросила Изабелла. — Я, пожалуй, вернусь домой. Спокойной ночи.

— Тысячу извинений, леди Изабелла!

— Что ты устроила трагедию из-за этого крестика? — проворчала миссис Уэйн в экипаже. — Ведешь себя, как капризный ребенок.

— Я сильно расстроилась, — призналась Изабелла. — Сломанный крестик — плохая примета. Его, умирая, мне подарила мама и велела беречь как реликвию и смотреть на нее, если я вдруг окажусь в беде или мне потребуется помощь. А теперь крестик сломан!

— Вот что, милочка, — деловито заметила миссис Уэйн, поправляя шляпку. — Нынче я приглашена к герцогине Дартфорд. Если хочешь со мной, прекрати хныкать и припудрись — я не покажусь в обществе зареванной девицы. А коли тебе и дальше угодно плакать, я отправлюсь на бал одна, возвращаясь к отцу.

Изабелла послушно вытерла глаза кружевным платочком.

— Ладно, я найду мастера, и он соединит половинки крестика. Я положила их в корсаж платица, вот тут, у груди.

— Платица! — передразнила леди Эмма. — Тебе восемнадцать лет, душа моя! Пора замуж, а ты все еще носишь «платица». Может, и в куклы играешь? Все, успокойся, мы приехали. Выходи из кареты!

— Кто эта писаная красавица? — спросил один из гостей герцогини, юный повеса, студент Оксфорда, у своего друга, кутилы-аристократа, кивая на Изабеллу, которая в сопровождении миссис Уэйн как раз пересекала залу, чтобы засвидетельствовать почтение хозяйке. — Юная леди, кажется, не замужем?

— А ты подыскиваешь себе жену?

— Нужда заставляет, брат. Батюшка урезал мне содержание и заявил, что больше не заплатит ни по одному из моих долгов, пока я не возьмусь за ум и для начала не найду себе подходящую партию. Невеста мне нужна из знатного рода, с приданым и, разумеется, хорошенькая.

— Тогда женись на леди Изабелле Уэйн. Это она.

— Дочь лорда Маунт-Северна? Покорно благодарю — я слышал, у него за душой ни фартинга. Единственная ценность — поместье Ист-Линн.

— Зато девица красива и добродетельна. За ней, между прочим, увивается капитан Ливайсон и, конечно, рассчитывает на успех, а женщинам нравятся настойчивые мужчины.

— Скажешь тоже! Напыщенный кретин с красивой физиономией, а душа черная, как сажа. Ты слышал, как он поступил с миссис Чартерис? Обольстил и бросил, а вдова надеялась выйти за него замуж.

— Она тоже не святая. Тсс, вон он идет, и дочь Маунт-Северна с ним.

Фрэнсис Ливайсон, сопровождая Изабеллу, в сотый раз за вечер рассыпался в извинениях по поводу неприятности с крестиком.

— Я, наверное, никогда не смогу загладить перед вами свою вину, леди, — сладко нашептывал он, — но я готов делать это хоть всю жизнь.

— Все в порядке, мистер Ливайсон, — смущенно ответила леди Изабелла, ловя на себе восхищенные взгляды и краснея, поскольку не привыкла к таким знакам мужского внимания.

— Бедняжка, — промолвил им вслед студент Оксфорда. — Держалась бы от него подальше. Он заправский мошенник. Разобьет ей сердце и отшвырнет. Для него скаковая лошадь дороже любой женщины.

ГЛАВА 2

Барбара Хэйр

Вест-Линн не являлся ни столицей графства, ни промышленным центром, а представлял собой типичный провинциальный городок, главными достопримечательностями которого были церковь Святого Томаса, городская ратуша, рынок и аристо-

кратический квартал, застроенный красивыми особняками местной знати. В двух милях на восток от центра располагалось живописное поместье Ист-Линн, окруженное старым парком. Примерно в трех милях на запад от центра высилось внушительное здание из красного кирпича, перед которым расстилалась лужайка, а к изгороди, отделявшей особняк от дороги, примыкала роща. В дом вела калитка и дорожки, посыпанные гравием. Войдя в парадную дверь, посетитель оказывался в просторном холле, в центре которого находилась широкая лестница на второй этаж. Поместье называлось Гроув и принадлежало Ричарду Хэйру, эсквайру, местному судье, человеку состоятельному, женатому и солидному, отцу троих детей: старшая дочь Энн уже вышла замуж; младшей, Барбаре, шел семнадцатый год, а Ричард, единственный сын... — впрочем, о нем позже.

Барбара Хэйр, хорошенькая девушка, златовласая, кокетливая, с голубыми глазами и нежным личиком, читала в гостинной приключенческий роман.

— Дочка, — обратилась к ней мать, зябко передергивая плечами и кутаясь в шаль, — не пора пить чай?

— Рановато, мама. Сейчас десять минут седьмого, а мы пьем в семь.

— Ох, как еще долго! — зевнула миссис Хэйр. — Ладно, подождем.

Казалось бы, что мешало хозяйке дома распорядиться, чтобы ей, если уж она того желает, подали чашку чая? Но с тех пор как двадцать пять лет назад муж ввел ее в этот дом, она ни разу не осмелилась нарушить заведенный порядок и проявить своеволие. Судья Хэйр был заносчивым и властным, а его супруга — тихой и кроткой, обожавшей мужа и считавшей, что его слово — закон. Она привыкла подчиняться, и ей это было не в тягость, в отличие от Барбары, которая унаследовала от отца сильный характер и при случае не боялась выразить собственное мнение и настоять на своем.

— Барбара, — сказала миссис Хэйр через некоторое время, — все-таки позови прислугу: пусть начинают готовить чай. У меня во рту пересохло.

Девушка отложила книгу и посмотрела в окно.

— Папа идет, — сообщила она, вставая с места. — Уже входит в калитку.

Через минуту в гостиной появился энергичный мужчина среднего роста, со строгим выражением лица, орлиным носом и волевым подбородком.

— Ричард, — попросила супруга, — позволь нам сегодня немного пораньше попить чаю. На улице холодно, даром что май, в окно дует, я продрогла до костей.

— Вообще-то до семи еще четверть часа, ты могла бы потерпеть, — упрекнул он жену. — Но так и быть в виде исключения: распорядись насчет чаю, Барбара. Потом я собираюсь к Бьючемпу, у нас важные дела.

Мистер Бьючемп вел фермерское хозяйство и по совместительству служил управляющим у лорда Маунт-Северна, проживая неподалеку от Ист-Линна.

— А камин можно затопить, дорогой? — робко спросила миссис Хэйр по окончании чаепития.

— Что-то у тебя сегодня много просьб, — проворчал судья, надевая шляпу. — Ладно, топите. Я вернусь поздно. Кладите больше веток, уголь надо экономить.

Пока миссис Хэйр отдавала команды слуге, Барбара, закутавшись в шаль, выскользнула во двор, прошла по аккуратной гравиевой дорожке и притаилась у калитки. На небе уже показалась луна, дул пронизывающий ветер.

— Не вернулся, — прошептала девушка, вглядываясь в сумерки. — Да, никаких следов на дороге. Где он пропадает? Корнелия сказала, что уехал в Лондон. Неужели задержался там еще на день?

Внезапно Барбара уловила слабый звук шагов и укрылась под деревьями. «Это он! — екнуло сердце, когда она увидела на дороге со стороны Ист-Линна высокую фигуру. — Наконец-то! Может, позвать его к нам? Нет, неудобно. Леди не должна позволять себе таких вольностей. Хоть бы он сам догадался зайти в гости!» Однако молодой человек, поравнявшись с калиткой, прошел мимо, и Барбара, проводив его тоскующим взглядом, не утерпела и окликнула:

— Арчибальд, подождите!

— Ты, Барбара? — удивился мистер Карлайл, вернулся назад и приблизился к калитке: — Как поживаешь? Кого ты высматриваешь в такую непогоду?

— Вы припозднились...

— Да, еще не был дома. С утра ездил в Лондон и провел там почти весь день; возвратясь, работал в конторе, а сейчас собираюсь к Бьючемпу.

— Папа ушел к нему и вернется за полночь. Вы не можете отложить визит к Бьючемпу до завтра и заглянуть к нам?

— Пожалуйста, — согласился мистер Карлайл, отворил калитку и по дороге к дому взял девушку под руку, отчего Барбара почувствовала себя на седьмом небе. — Как здоровье матушки?

— Нормально. Ей надо чаще гулять на свежем воздухе, а не кинуть дома. Что у вас в свертке, Арчибальд?

— Подарки из Лондона. Есть кое-что и для тебя.

— Правда? — покраснела Барбара, и глаза у нее загорелись от любопытства: — Можно посмотреть?

— Сейчас, — ответил он, положил сверток на скамейку и пошарил в кармане сюртука. — Вот досада, неужели я потерял *ее*? Нет, вот она! — извлек он в лунном свете небольшую коробочку и вынул оттуда золотую цепочку с медальоном. — Позвольте, леди, надеть на вас эту безделицу, — шутливо произнес он, но Барбара охнула, снова покраснела, затем побледнела и так растаяла, что забыла поблагодарить за подарок.

Миссис Хэйр обрадовалась гостю, велела зажечь свечи, и все уселись у камина.

— Не смейтесь надо мной, — сказал Арчибальд хозяйке, — но я привез вам не отрез бархата, а надувную подушку. Будете подкладывать под спину — это удобно, и боль как рукой снимет. Полезная вещь.

— Какой вы заботливый! — всплеснула руками миссис Хэйр.

— Смотри, мама, что Арчибальд подарил мне! — воскликнула Барбара, показывая цепочку.

— Боже! Она ведь дорогая! Это чрезмерная роскошь!

— Мне особенно нравится медальон, — похвалила Барбара, поворачивая его в пальцах и отщелкивая крышечку. — В таких хранят локоны возлюбленных и самых дорогих людей. Я положу туда прядь волос Ричарда, которую отрезала, когда он болел.

— Ох, сыночек мой, — запричитала миссис Хэйр. — Муж еще удивляется, почему я все время хандрю и плохо себя чувствую. Такая трагедия!

Женщина всхлипнула, прикладывая платок к глазам, повисла напряженная пауза, после чего мистер Карлайл поспешил откланяться, пожелав дамам спокойной ночи.

— Я провожу вас, — востропнулась Барбара, метнувшись к порогу. — Почему вы уходите так скоро?

— Меня ждет сестра, — виновато улыбнулся он, — и будет ворчать, где я шлялся допоздна. Знаешь, Барбара, твоя мама выглядит подавленной.

— Ей приснился дурной сон, и она вбила себе в голову, что он вещий, — ответила девушка. — С тех пор живет, как в лихорадке, раздражая папу своей нервозностью.

— Какой сон?

— Про убийство и про Отуэя Бетела. Во сне она видела его вместе с мертвым... — сами догадываетесь, с кем именно.

— С Хелиджоном? — понизил голос мистер Карлайл.

— Да, — кивнула Барбара. — Бетел склонялся над трупом, а Эфи стояла в углу и ухмылялась. Мама закричала и долго не могла прийти в себя от этого кошмара, наутро ее колотила дрожь, что вызвало гнев папы. Вдобавок, как на грех, Бетел вчера проходил мимо нашей калитки, мама заметила его и сказала, что это неспроста и что он каким-то образом замешан в преступлении. Я тоже рассердилась на маму, потому что глупо в наш просвещенный век верить снам.

— Твою маму можно понять, у вас в семье такая беда.

— Ладно, — наморщила лоб девушка, — не будем печалиться. Сколько бы мы ни сокрушались, это не поможет. Еще раз благодарю за подарок.

— Носи на здоровье и чаще улыбайся, — чмокнул Карлайл в щеку Барбару и вышел из калитки.

«Он меня поцеловал! — возликовала девушка, возвращаясь в дом. — Впервые с самого детства. О Арчибальд, неужели ты любишь меня? Тогда что тебе мешает в этом признаться?»

Надо заметить, что мистер Карлайл давно дружил с Хэйрами. Первая супруга его отца приходилась судье кузиной, и семьи проводили вместе много времени. Арчибальд, сын второй жены Карлайла-старшего, будучи мальчиком, часто играл с Энн и Барбарой, при случае дергал их за косички и дразнил, но всегда защищал горой, считая едва ли не своими младшими сестренками.

Часы пробили одиннадцать, но Барбара, ворочаясь в постели, все еще не могла заснуть, грезя о том, что станет супругой Арчибальда, которой будет завидовать весь Вест-Линн, да что там — все графство, ибо мистер Карлайл считался самым завидным женихом в округе и ни одна невеста не отказала бы ему, сделай он ей предложение.

— Он любит только меня, — шептала Барбара, поглаживая медальон. — Я всегда об этом догадывалась, а сегодняшний вечер все прояснил, поскольку Арчибальд подарил мне цепочку и поцеловал. Он вот-вот посватается, — прижала девушка медальон к губам. — О дорогой, я согласна! Только бы все не испортила эта противная старуха Корни!

О подоконник что-то ударилось, как будто швырнули камешек. Барбара вскочила и прильнула к стеклу. В дальнем конце лужайки перед деревьями мелькнула тень. «Боже, кто там? — испугалась девушка. — Вроде, человек. Отец, что ли? Нет, не он». Барбаре на миг показалось, что незнакомец подает ей знаки. Может, чудится? Но внезапно силуэт отделился от рощи, и девушка отчетливо различила в лунном свете мужчину в широкополой шляпе. Душа у бедняжки ушла в пятки. Позвать слуг? Она снова вгляделась в мужчину, потом охнула, накинула шаль и на цыпочках, чтобы не слышала мать из своей спальни, спустилась в холл и выскользнула во двор. Неизвестный посетитель моментально заметил ее, снял шляпу и издали помахал ею. Прячась в зарослях, Барбара Хэйр двинулась ему навстречу.